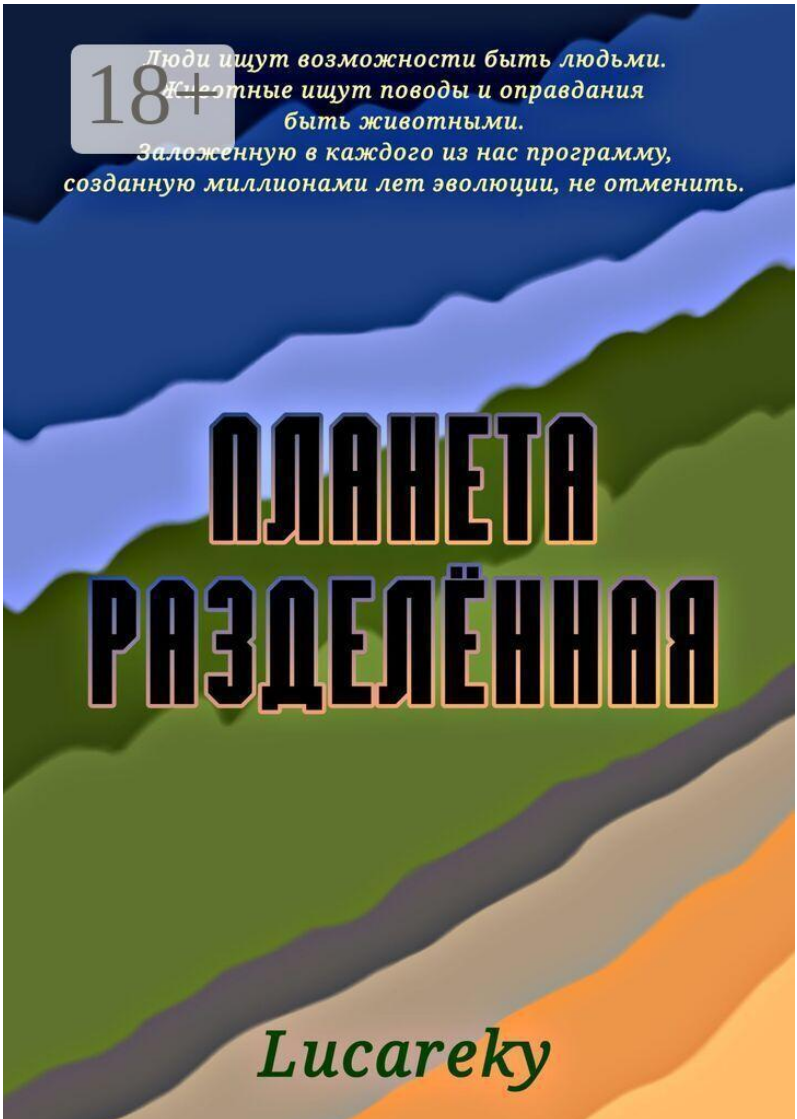
18+

Люди ищут возможности быть людьми.
Животные ищут поводы и оправдания
быть животными.
Заложенную в каждого из нас программу,
созданную миллионами лет эволюции, не отменить.



ПЛАНЕТА РАЗДЕЛЁННАЯ

Lucareky

Lucareky Lucareky
Планета Разделённая

https://litres.ru/74928442
ISBN 9785007171595

Аннотация

Вместе с героями вы пройдёте по планете Разделённая, где каждый поворот открывает новую тайну; увидите мир, устроенный иначе — именно поэтому в нём так легко узнать наш собственный.

Содержание

Правда псовых 5
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Планета Разделённая

Lucareky

Редактор Алиса AI
Редактор ГигаЧат
Дизайнер обложки Lucareky

© Lucareky, 2026
© Lucareky, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-7159-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди ищут возможности быть людьми. Животные ищут поводы и оправдания быть животными. Заложенную в каждого из нас программу, созданную миллионами лет эволюции, не отменить.

Lucareky

Правда псовых

Где-то очень далеко от нас есть галактика Восьмёрка. На самом деле это две галактики: одна — малая и молодая, а другая — большая и древняя, неспешно поглощающая меньшую. Там, где они соприкасаются, их формы плавно перетекают одна в другую, и в целом они образуют цифру восемь.

Во Вселенной свято место пусто не бывает: где нет Земли, там возникнет похожая планета; нет кошек — появятся иные виды с теми же повадками; нет людей — нишу займут другие претенденты на разум, живущие и устроенные по их образу и подобию.

На дальней окраине малой галактики, вокруг жёлтого карлика, подобного нашему Солнцу, вращается планета Разделённая. Приливно захваченная, она всегда обращена к звезде одной стороной, которая, под непрерывным облучением, выжжена в пустыню, а противоположная сторона вечно погружена во мрак и скована ледниками.

Но на границе адского пекла и ледяного мрака теплится жизнь. Таяние вечных льдов выплавило сеть рек, озёр и внутренних морей. Местный день — как наш ранний летний вечер: тёплый, без зноя, в ярких красках заката. А когда пасмурно и небо скрыто плотным покровом облаков или туч,

всё вокруг окрашивается в серебристые тона. Ночь здесь — как наш поздний вечер: природа тонет в холодных синих сумерках.

Дни тёплые, без зноя. Ночи без заморозков. Так — круглый год, тысячелетие за тысячелетием. Благодаря этому на приграничной полосе кипит уникальная жизнь: сотни видов делят сушу, воздух и толщу воды. Крупных хищников нет: их истребили те, кто претендует на звание разумных организмов…

В зелёной части планеты живут многочисленные племена: внешне они напоминают псовых, а не приматов. При этом они обладают всеми признаками разумных: ходят на двух ногах, кисти рук сформированы для мелкой моторики, большой палец противопоставлен. Членораздельная речь есть — письменности нет. Орудия для охоты и рыбалки мастерят — земледелие и скотоводство отсутствуют. Глаза расположены не латерально (по бокам черепа), а фронтально, обеспечивая бинокулярное зрение. Уши острые, волчьи. Одежда и обувь — из меха и кожи.

Но больше всего бросается в глаза не внешность, а их нечистоплотность и отвращение к труду.

Часть особей способна следить за собой, но лишь напоказ, без внутренней потребности в гигиене. Другим и это делать лень: увязли в собственном смраде немытого тела, и их шерсть, одежда и постели кишат клопами, клещами, блоха-

ми и вшами. И те, и другие адски загаживают всё вокруг: жилища и улицы — сплошные свалки зловонного мусора, кишащего летающей, ползающей и бегающей живностью. Когда они загадят место стоянки так, что самим станет тошно, отправляются на поиски мест, где почище.

«Делаю что хочу, а прочее — пусть делают другие!» — девиз всех псовых. Все взрослые заставляют друг друга трудиться и люто ненавидят тех, кто принуждает их самих хоть что-то делать. Даже стаю не смогли бы организовать, если бы лидеры не принуждали других пахать; сами же, конечно, собственноручно ничего не хотят делать. Дети спешат из дома, чтобы не убирать за собой и, тем более, не принимать участия в общих делах. Мужья бегут из дома, чтобы спастись от быта, оправдывая себя своими собственными делами. Особо предприимчивые, чтобы уменьшить недовольство жены и повысить свою значимость, вместо помощи в бытовухе (готовка, уборка, стирка) затевают дома вечный ремонт, который делают и переделывают из года в год — до тех пор, пока эксплуатируют жену. Поэтому однажды и навсегда псовые мужики решили, приняли и положили: крайними сделать псовых женщин, которые должны отказаться от самих себя и посвятить свою жизнь обслуживанию мужа и детей, но не потому, что они хуже или лучше, умнее или глупее, а просто потому, что они физически слабее. У животных принято сжирать тех, кто слабее, пусть даже и морально. Но если бы женщины псовых племён стали намного сильнее муж-

чин, то вели бы они себя по отношению к другим точно так же, как сейчас обращаются с ними самими.

В одной такой псовой стае, в уютной пещере, живёт необычное семейство: отец — Чёрный Коготь (здесь всё зовут так, как видят): высокий, жилистый, в чёрной короткой шерсти, со светло-серыми глазами. Характер — двуличный, как у любого пса (постоянные резкие перепады настроения): то скулит и жалуется, то вдруг становится злобным и бешеным; а потом, как ни в чём не бывало, беззаботно и безудержно хохочет. Как безудержно псы скулят и жалуются — так же безудержно хохочут. И так же безудержно набрасываются на окружающих: всё громят, грабят, избивают, насилуют, убивают. Мать — Мягкое Облако больше похожа на овечку, чем на здешних обитателей: у неё белая, кудрявая, густая и пушистая шерсть, которая постоянно растёт; большие, смотрящие вперёд, тёмно-карие глаза, обрамлённые длинными чёрными ресницами. Ростом немного ниже мужа, но вдвое его шире. Рассеянна, зато миролюбива, дружелюбна и — главное — феноменально трудолюбива. За это её и уважают в племени. Пещеру наполняет толпа ненасытных, клыкастых отпрысков — чёрных, белых, чёрно-белых.

Посреди пещеры горит очаг — на нём всегда что-то варится, жарится, печётся. Рядом тяжело пыхтит и хлопочет хозяйка на сносях. По краям, вдоль стен — спальные места. Самые маленькие заняты детьми, к которым мама то и дело

суетливо подбегает. На почётном возвышении, на перине из лучших мехов, лежит глава семейства и без умолку что-то говорит. Сейчас это была тема охоты:

— Ты только представь, Облако, каким был тот зверюга, из вкусного куска мяса которого ты сейчас варишь суп! Мы с парнями еле завалили его! Как он был силён! Как сопротивлялся! Рогами и копытами некоторых сильно ранил и даже мне чуть пузо не вспорол! Но, как видишь, мы оказались проворней! — отчасти он говорил правду, так как был на хорошем счету в стае за свою свирепость на охоте и в войнах племён.

— Ты у меня самый сильный и храбрый! — искренне, от сердца она всегда говорила ему то, что он жаждал услышать.

Муж, довольный собой, продолжал поднимать себе цену:

— Сегодня вечером состоится собрание. Мы, мужики, обсудим усиление защиты стаи от нападений чужих племён. А также придумаем новые способы отлова и меры наказания для наших малолетних преступников — мелочь совсем обнаглела, отбилась от рук!

— Как хорошо, что вы всегда стоите на страже правосудия! — Супруга, зная, какой он обидчивый и вспыльчивый, всегда внимательно его слушала, даже несмотря на свои нескончаемые дела, и старалась находить нужные слова, чтобы его задобрить. Но у него смена настроения была такой же непредсказуемой, как и погода:

— Что ты там на пол набросала?! — вдруг рявкнул он на

неё. — Ходишь и растаптываешь, вместо того чтобы убрать!

— Ох, — всплеснула она руками, — и правда! А я, разиня, не заметила! — оправдывалась она, подбирая рассыпанный мусор.

За разговорами и хлопотами приблизился вечер, и наступило время ужина. Коготь знал: его обязанность — носиться по улицам селения и собирать в дом младших детей. Старших ищи не ищи — в дом не загонишь. Но он продолжал лежать, с обиженно-таинственной физиономией.

— Милый, пора бы детей домой звать.

Он молчал, будто решал судьбу мира.

— Милый, уже темнеет на ули…

— Да слышу! Отвяжись! — огрызнулся он. Но ещё с полчаса пролежал. Потом нехотя встал, неспешно оделся и ушёл.

Шумное семейство собралось за столом — псовые, не жуя, глотали пищу. И всё приготовленное изобилие еды они смели в считаные мгновения.

Чёрный Коготь не любил сидеть за столом — задерживался лишь ради гостей. Но если там оказывался, то постоянно ёрзал, дёргался, еда из рук и мимо рта валилась на стол и на пол. Облако содрогалась, глядя на это, но не смотреть не выходило: боковым зрением всё равно видишь, а то и слышишь. Дети пошли в него. Вести себя приличнее и убирать за собой он не желал. Вывод прост: жрать в постели. Там не видно, как он гадит — а после, по его убеждению, всё чу-

десным образом убирается. Старшим детям понравилась отцовская привычка утаскивать еду в личное логово, и они её переняли.

Насытившись и навалявшись, глава семейства важно и деловито собрался и ушёл на собрание. Жена принялась мыть, одевать и укладывать младших, а после — прибирать в доме за всей сворой. Лишь ближе к ночи она для души присаживалась к очагу, чтобы в тишине и спокойствии повязать. Но и это небольшое удовольствие часто прерывалось чрезмерно нервными, капризными и требовательными отпрысками.

Гораздо раньше назначенного собранием времени мужчины выходили из своих домов, сбивались в шумные компании и медленно продвигались по узким тропам среди повсюду наваленного зловонного мусора. Но вонь не чуяли: сами смердели не лучше. Они, как трутни, гудят, и изредка раздаётся чей-нибудь желчный смех.

Стемнело, похолодало. Рядом с поселением, на круглой охраняемой площадке, окружённой деревьями, собралась разношёрстная толпа — во всех смыслах этого слова: худые и толстые, жилистые и накачанные, энергичные и вялые, юные и зрелые. Стариков нет — у псовых старость не уважают. Яркие меховые плащи спорят с разнообразным цветом шерсти их владельцев.

На возвышении — места вожака и его приближённых. Главаря зовут Тихий Бес. У псовых стаи принято называть

по имени её вожака. Он огромен, как медведь. Шерсть — коричневая, всклокоченная. Взгляд — злой, хитрый, бегающий, прощупывает каждого. Вызывающий взгляд, агрессия, избыток силы — всё говорило само за себя. Здесь путь к успеху мостят не честью, а силой, вероломством и хитростью.

Смех и разговоры стихли. Все, как дети, преклонились перед большей силой. Как в семьях, так и в стае: сперва самоутверждаются. Начали перечислять сделанное и грядущее. Среди других тем коснулись и Чёрного Когтя:

— Отмечаем Чёрного Когтя! Очередные выдающиеся успехи на охоте! — Он ждал этого, раздувшись от важности. — И в связи с этими и прошлыми заслугами назначаем его в патруль и разведку!

— Но я… — жалко взвизгнул он от неожиданности. По кругу пошли смешки.

— Ты хочешь нам что-то сказать?! — бесцеремонно и с угрозой спросил его один из властной верхушки.

— Нет, нет, — глухо выдавил тот, поджав хвост. — Благодарю за доверие! — пролепетал он и затих, выдав формальную вежливость.

Что дальше говорили, он пропустил мимо ушей: все силы ушли на сдерживание кипящей злобы. Поздней ночью, когда расходились по домам, он, как и все, лицемерно болтал и улыбался. Но стоило ему переступить порог собственного дома, как его прорвало, словно вулкан:

— Да за кого они меня принимают?! Наравне с малолетками заставляют по лесу бегать!

— Дорогой, потише, дети спят…

— Усталого ничем не разбудишь! — назло ещё громче заорал он, с завистью косясь на отдыхающих детей.

— А если тебя кто-то на улице услышит, что тогда будет?

И действительно, если сверху прознают о его недовольстве, то посыплются беды не только на него самого, но и на всю его семью. Он тут же сбавил громкость и, сменив тему, затрещал как обычно. Но у перенервничавшей жены начались роды, и защитник семейства, сославшись на неотложные дела, испарился из дома. Для Облака такое поведение супруга не было новостью: все женщины племени, как и все самки животных в природе, вынуждены сами справляться с этим испытанием. Ей повезло — она унаследовала могучее здоровье, и ежегодные роды проходили без последствий. Одну половину ночи она выслушивала мужа и успокаивала его и проснувшихся маленьких детей; вторую половину ночи — рожала; а затем нужно было убрать за собой. К утру она готова к бесчисленным делам.

Когда вернулся супруг, Облако держала на руках нового члена их семьи. Он гордо подошёл, чтобы им полюбоваться, и вдруг резко отпрянул:

— Кого ты, мать, родила?! Что мы с такой делать-то будем?!

Вместо обычного псового щенка он увидел гибрид: бе-

лая кудрявая шерсть, острые волчьи уши, а лицо, вообще ни на кого не похожее, сочетало в себе волчьи и овечьи черты. Мягкое Облако стыдливо опустила глаза и замерла… Когда они снова глянули на новорождённую, то утонули в её больших, светло-серых, умных глазах, полных любви и безграничного к ним доверия. Ну что тут делать? Живём дальше! И стали думать, как её назвать. Перебрали варианты и остановились на имени Белая Ночь, весьма соответствующем её двойственной природе.

Услышав шорох на улице у входа в пещеру, глава семейства, как ошпаренный, спрыгнул со своей лежанки, пулей выскочил во двор и налетел на кого-то:

— Ты чё тут вынюхиваешь?! — грозно рыкнул Чёрный Коготь.

— Уж и пройти нельзя мимо твоего дома? — испуганно взвизгнул соплеменник и резко отпрыгнул в сторону.

— Шастай где хочешь, но подальше от моего дома!

— Совсем озверел, что ли?! Я буду на тебя жаловаться! — крикнул он, успев к тому времени отбежать на безопасное расстояние.

— Жалуйся! Ты же знаешь, как у нас обходятся со стукачами! — пролаял во всю глотку Коготь, да так, что слова эхом разлетелись по округе. После чего вернулся на свой трон.

Закон псовых такой же, как у всех животных во Вселен-

ной: «Чужое — ничьё, а моё — не трожь!» Каждый из них вынюхивает, подслушивает, подсматривает, что где плохо лежит и под кого можно вырыть яму. При этом каждый из них защищает свою собственность и личное пространство ревностно, яростно и самоотверженно.

Коготь и Облако хотели как можно дольше держать происшествие в тайне, но чужие уши не дремлют. На очередном собрании Когтя отчитали при всех:

— Мы молча смотрели, как ты женился на той, кто чужда нашему племени! Но тебе мало — и вот оно, нечто! Позор нашей стаи! — накинулся кто-то из толпы под общее улюлюканье.

Но Коготь смерил его взглядом:

— Ты бы лучше за своим выводком смотрел! Иначе откуда у тебя бежевый щенок, когда вы оба серые?

Обидчик рванул в драку, но свои же удержали. Чтобы пресечь грызню, вмешался вожак:

— Благополучие стаи — задача первостепенная! — прорычал Бес. Но показная забота — не милосердие. Решений он не предлагал, лишь щупал почву, чью взять сторону.

Пользуясь моментом, Чёрный Коготь решил взять ситуацию в свои руки и перешёл в наступление:

— Гляньте на себя! Да на большинстве из вас одежда и обувь, сшитые моей женой! Скажите мне, когда моя новорождённая дочь успела причинить вам столько зла, что вы

набросились и на неё, и на меня?! А если она вырастет такой же трудолюбивой и полезной для стаи, как и её мать?! — И он грозно и обвиняюще стал всматриваться в лица тех, кто часто пользовался плодами трудов его супруги: одни переминались с ноги на ногу в своих удобных и мягких кожаных ботинках; другие заёрзали в своих меховых плащах и кожаных штанах. Среди них был и сам Тихий Бес, и многие из его приближённых, любящие качество и комфорт, созданные чужими руками.

Пошептавшись, главарь вынес вердикт от лица стаи:

— Мы ценим труд твоей жены и будем надеяться, что дочь унаследовала способности своей матери…

В результате почти единогласно решили оставить эту тему на потом: когда гибрид подрастёт, тогда всё и решится. И переключились на повседневные проблемы.

Переступив порог дома, Коготь начал выплёскивать излишки злости на домашних. На этот раз он жаждал мести:

— Я этого стукача видел у нашего дома! Я с него живьём шкуру сдеру и буду использовать, как коврик, вытирая свои грязные ноги!

— А если это не он? Тебя за клевету и самоуправство со свету сживут! — возразила Облако, охлаждая кровожадный пыл мужа.

— Ты права, женщина! Да и неясно, что выйдет из отпрыска. Стоит ли из-за неё мараться? — прислушался он к

инстинкту самосохранения и тут же переключился на новую жертву.

В детстве Ночка (так прозвала её мама — имя созвучно слову «дочка» — так стали звать и все остальные) была больше похожа на свою маму: её тело покрывал белый и пушистый пух, и ей почти не требовалась одежда, кроме тех случаев, когда её вели куда-то рано утром или поздно вечером; а псовая или волчья её половина пока ещё скрывалась за этим облаком шерсти.

В эти годы более сильные обитатели стаи стали знакомить её с их звериной натурой. Оставаясь наедине со своими старшими братьями и сёстрами, когда Облако уходила по делам, они, видя её детскую беззащитность, набрасывались на неё: одни оскорбляли, другие воровали игрушки, третьи били за неповиновение. Тогда же Ночка впервые познакомилась и с грозной, больно бьющей отцовской лапой, когда он приучал её к порядку и труду, о которых сам не имел ни малейшего понятия, ведь точно так же он обломал свою жену и этим очень гордился:

— Ночка, будь добра, принеси папке чаю!

Она сидела у очага, рядом с матерью, занятой рукоделием.

— Не хочу тебе чай носить. Сам возьми!

Оскорблённый до глубины души дерзким неповиновением, он тихо встал и подкрался со спины, а потом с размаху врезал ей лапой так, что она, словно мяч, отлетела к сте-

не. Облако от неожиданности вскочила, но, поняв в чём дело, снова села и вернулась к рукоделию. Сама регулярно им избиваемая, она непоколебимо верила: если муж кого-то из членов семьи бьёт — значит любит, значит надо. Другие дети, которые были дома, покатились со смеху. Ночь залилась слезами. Отец подошёл к ней, возвышаясь, как гора, и наклонился, чтобы приблизить свою морду к её лицу:

— Следи за языком, малявка! В следующий раз думай, прежде чем вякать! — брызгал он слюной из нечищенной пасти. Затем подошёл к столу, но не сел за него, а схватил чашку чая, сгреб со стола целую гору снеди, что жена загодя отложила ему, и, довольный собой, утащил добычу на свою лежанку.

Но ни в следующий раз, ни потом дочь не покорялась ему. При этом с матерью она была ласкова — не только выполняла её просьбы, но и сама проявляла инициативу, стараясь помочь. Чёрный Коготь никак не мог понять, в чём же дело: все его дети за подачку или из-за угрозы побоев готовы шкуру свою содрать ради исполнения воли отца. Жена ещё легче поддаётся управлению. Но эта — мелкая! Её старшие братья и сёстры, более сильные, наглые и бессовестные, чем она, и те склоняются перед его властью! А эта — чем больше он пытался её нагнуть и подчинить, тем более чуждой для него она становилась!

— Мама, почему он нас всех бьёт? — вся в слезах и соплях подбегала дочь к маме, ища у неё защиты.

— Папу нужно слушаться, Ночка! Он наш добытчик и защитник! — отвечала мать-простушка, нисколько не сомневающаяся в своих словах.

— Но он нас не защищает, а бьёт!

На это Облаку было нечего ответить.

А со своего трона этот всех подслушивающий и за всеми подсматривающий папаша рявкнул:

— Не будь меня, вас, баб, пустили бы по кругу мужики всего племени!

Ночка не поняла смысла этих слов, но то, как это было произнесено — со злорадством и угрозой в адрес мамы и её самой, заставило её замолчать.

Но она, в отличие от большинства, не мирилась с таким положением дел, не прогибалась и не приспосабливалась. Там, где она была заведомо слабее, — замирала и терпела; где силы казались равны — огрызалась, скалилась, отбивалась, но была ещё слишком маленькой и несмышлёной, чтобы защитить себя или найти выход из такого унизительного положения.

Насилие здесь — норма, как у зверей. Родители постоянно избивают детей — не только ради утверждения своей власти над ними, но и потому что словами здесь никого ничему не научишь с самого детства — все склоняются лишь перед превосходящей силой да угрозой расправы. Старшие дети бьют младших, мужья бьют жён, повзрослевшие дети бьют

своих постаревших и ставших беспомощными родителей.

Сексуальное насилие — тоже норма. Половозрелые самцы от мала до велика, как озабоченные кобели, пытаются подмять под себя всех: насилуют оставшихся без защиты своих и чужих женщин, а порой своих и чужих детей, вне зависимости от пола, оказавшихся, на свою беду, без надзора их матерей.

Такое аморальное поведение хоть и карается лидером стаи и его приближёнными, но при этом ими же и провоцируется. Парадокс в том, что при бешеном приплоде численность особей не только не растёт, а тает — некоторые племена уже исчезли с лица планеты. Виной тому не только межплеменные и внутриусобные войны, но и болезни; эпидемии в такой антисанитарии случаются очень часто — они без разбора уносят колоссальное количество жизней. Вожаки племён то ли не хотят, то ли не могут навести порядок на своей территории. Чтобы компенсировать чудовищную смертность, власть идёт по пути наименьшего сопротивления: манипулирование и мозгопромыв, пропаганда и развращение. Как следствие, здесь напрочь отсутствует какая-либо борьба или конкуренция за право размножения — в результате приумножаются физические и психические уродства; от колыбели до могилы они не способны к простому — обслуживать себя.

На весь творящийся в их стаях хаос и бардак псовые власть имущие закрывают глаза, не только потому, что это

полностью соответствует их собственной природе мировосприятия, но и потому, что сами же себя оправдывают: мол, так тысячелетиями было принято и положено такими же, как и они.

Детство — это возраст, когда во всём зависишь от взрослых. Ничего не умеешь делать самостоятельно и не знаешь, кто ты есть и кто такие окружающие. Поэтому дружба со сверстниками похожа, хоть и отдалённо, на настоящую дружбу — мальчики и девочки пока что относятся друг к другу, как равный к равному: во дворе они все вместе играют в прятки, догонялки, в войнушку с игрушечными луками, копьями, кинжалами. Так в игре постигают азы охоты и выживания: как бить, как бежать, как затаиться. Но даже тогда все уже обманывают друг друга, толкаются, кусаются, обворовывают.

Воровство у них в крови: как лесные звери, так и стайные псы — воровством промышляют абсолютно все в любом возрасте. А родители-воры руганью и побоями пытаются отучить своих детей-воров от воровства. И единственный результат заключается в том, что каждый из них учится быть скрытнее и искуснее в этом ремесле.

Мягкое Облако, заметив у своей дочери эту ужасную привычку, выбрала момент, когда обе были в добром расположении духа и дома никого, кроме них, не было:

— Ночка, скажи, пожалуйста, а если я возьму себе твою

любимую игрушку и никогда больше не верну! Тебе это понравится?

— Мне не жалко для тебя никаких своих игрушек! — ответила дочь, ласково прижимаясь к своей маме. Мама в ответ обняла её, погладила, но стала искать другой подход:

— Когда твои друзья отбирают у тебя самые любимые игрушки и отказываются их возвращать, тебе это нравится?

— Нет, не нравится! Очень не нравится!

— Почему же ты так поступаешь с другими?

— Но все так делают! — она попыталась оправдаться.

— А если все пойдут прыгать в пропасть, ты тоже последуешь за ними?

— Нет, не пойду за такими!

— Зачем же ты сейчас следуешь их плохому примеру и делаешь другим то, чего не желаешь себе?

— Я больше так не буду. — Как только до неё самой доходит, что она делает плохо, или ей это объясняют — сразу признаёт свою вину и старается исправиться.

— Ты у меня умница! Всё понимаешь. — Мама крепко обняла её, и дочь от всего сердца ответила взаимностью.

Даже в таком юном возрасте Белая Ночь начинала понемногу понимать разницу между добром и злом. Чего не скажешь об остальных местных, которые с рождения и до смерти так и не познают истины — их правда находится в прямой зависимости от их желаний и страхов: что выгодно — то добро, а что не выгодно — то зло.

Годы идут. Лидер стаи понемногу дряхлеет; многие уже стали сомневаться в его авторитете, но никто пока не рискнёт бросить ему вызов — в памяти ещё свежи воспоминания публичных кровавых расправ, устроенных каждому претенденту. В соседних племенах знают всё: в каждой стае свои стукачи.

Стая Тихого Беса жиреет не от ремесла или честной охоты, а от набегов на соседей и грабежа. Им, словно диким тварям, для счастья всегда не хватает чего-нибудь чужого: благ, страданий, жизней. Но сколько бы чужого они ни присвоили, сколько бы жизней ни отобрали, а счастье к ним всё равно не приходит. Вместо счастья у них — злорадство, после причинения зла другим.

К тому времени Белая Ночь превратилась в подростка. Она очень изменилась внешне: подросла, но пока ещё не выше родителей. Пух сменился короткой плотной шерстью по телу, а на голове она всё так же росла бесконечно. Теперь ей постоянно требовалась одежда — она предпочитала неяркие цвета, чтобы не выделяться белым пятном среди зелёной листвы. Обувь не нужна ни ей, ни матери: природа одарила их прочными, всесезонными, самовосстанавливающимися ботинками — копытами, которые не делали их походку козлиной, так как в результате эволюции они стали похожи на человеческую ступню или на традиционную японскую

обувь джика-таби (jika-tabi), и походка ничем не отличается от обычной человеческой; а если прижмут — ими можно отбиться. Пышная, объёмная грудь в стае — только у Мягкого Облака. На фоне прочих она воистину огромна! От неё не мог оторвать взгляд ни один самец, любого возраста. У всех остальных псовых женщин грудь была такая же, как и у мужчин: два соска под шерстью. Лишь после родов грудь чуть нальётся, а после вернётся в норму. Ночка не унаследовала маминых пышных форм, и грудь её была такой же плоской, как и у всех. Но и жилистой, как отец, не стала — у неё спортивное, стройное тело. А по сравнению со всеми, даже со сверстниками, она — маленький, хрупкий подросток. Завершают облик Ночки острые волчьи уши, клыки и ни на кого из здешних не похожее лицо.

Она менялась не только телом, но и душой. Наравне с подростковой неуравновешенностью и максимализмом настала пора постепенного познания себя и окружающего мира.

Взрослеющие половозрелые юнцы, следуя примеру мужчин племени, стали предъявлять собственнические отношения к противоположному полу. Очередной ухажёр, обманутый её беззащитным видом, решил, что перед ним лёгкая добыча:

— Ноча, лапочка, будь моей! Милая, дай мне переспать с тобою, и я обещаю, когда возглавлю стаю, ты ни в чём не будешь нуждаться!

Поняв, что речи о дружбе не идёт и её просто хотят использовать как вещь:

— Даже если станешь вожаком, я всё равно не лягу ни с тобой, ни с кем! — с отвращением бросила она, оскалив клыки.

— Ну и пошла ты — овца драная! — совершенно не ожидая такого поворота, ухажёр в ужасе шарахнулся назад и мгновенно потерял к ней половой интерес; а в ответ за неподчинение его величеству и на смену недавним комплиментам из него посыпались брань и оскорбления. И он, так же как и другие до него, присоединился к толпе её недоброжелателей.

С подругами было не лучше: когда отсутствует первая подруга, её поливает грязью вторая; если отсутствует вторая подруга, её обгаживает первая; нет рядом с ними Ночки — обе позорят её перед всеми.

— Ночка, переспим ночку? — гнусно ржали юнцы.

Вернувшись вечером с гулянки, она жаловалась:

— Мама! Ну зачем вы меня так назвали? Меня постоянно дразнят!

— Что ты такое говоришь? У тебя хорошее имя! Всё зависит от точки зрения.

— Какой ещё точки зрения?

— Те, кто тебя дразнят, — у них плохая точка зрения. Одевайся и пошли, я покажу тебе хорошую точку зрения.

Заинтригованная, Ночка опять оделась, и они вышли из

тёплой освещённой пещеры в холодную синюю ночь, чего никогда не бывало из-за высокой преступности в каждом псовом племени.

— Мам, как страшно…

— Ничего, мы быстро.

Они вышли на берег речки, и прямо над ними раскинулось звёздное небо, которое отражалось в реке, как в зеркале, и, сливаясь воедино, небо и река казались огромным бескрайним космосом, усыпанным золотыми звёздами.

— Какая красотища, мам!

— Вот видишь? Всё зависит от точки зрения!

И вдруг за рекой, далеко-далеко над густыми лесами вспыхнула огромнейшая морда рычащего волка, как будто нарисованная красными светящимися лучами.

— Что это такое? — испугалась дочь.

— Не бойся — это всё местные традиции — инициация: каждый, кто становится взрослым, должен её пройти; говорят — это облик души того, кто её проходит.

— И ты тоже её прошла?

— Нет, таких чужаков, как мы, туда даже близко не подпустят — это только для чистокровных псовых. Там усиленная охрана от разных племён. Им пришлось объединиться, чтобы святыня не ушла кому-то одному.

— И ты сама там была? Проверяла?

— Конечно, Ночка. В юности я была та ещё овца — взбалмошная, упрямая! В пятнадцать разобрало любопытство: то-

же захотелось познать себя. Но когда я туда пришла — меня и близко к их святыне не подпустили! Охрана высмеяла, оскорбляла, вела себя безобразно. Еле ноги унесла. Вот и вся моя инициация, — по-детски улыбнулась она.

— Хмм, понятно. А я и не рвусь!… Хотя интересно узнать, какая у меня душа, и показать всему миру! — пошутила и рассмеялась Ночка.

— Да, интересно, — машинально согласилась мама и рассеянно улыбнулась.

— А как долго этот образ чьей-то души будет сиять на небе?

— Всю ночь, до рассвета. На следующую — исчезнет или уступит место другому, если кто-то ещё пройдёт обряд. Но нам пора! — спохватилась Облако.

И они поспешили обратно, зная: на улице опасно даже днём, а ночью — вдвойне.

После этой короткой прогулки Ночка не стала ещё больше любить ночь, но имя своё приняла и полюбила, ассоциируя его с далёкими сияющими звёздами. А то, что инициация — только для чистокровных, взбесило её: «Свиньи, загаживающие всё вокруг, считают себя чистыми! Раз нам нельзя — пусть подавятся! Как будто без обряда не видно, кто они!» Обидевшись за себя и маму, Ночка решила больше никогда не касаться этой темы…

Полностью не осознав, какую роль ей, да и любой женщи-

не, уготовили в этом мире, Ночка пыталась стать самостоятельной, чтобы самой решать свою судьбу и не зависеть от чужой воли, быть хозяйкой своей жизни и никогда не смотреть никому в рот, по-рабски ожидая милости и подачки, хоть так тут принято и положено для низшего пола. Но нигде не видела возможности реализовать свои стремления.

Окружающие её совсем не понимают: удивляются, высмеивают. Они просто иначе устроены. Местные женщины не хотят или не могут развиваться, поэтому предел их мечтаний — это успешный муж. Мужчины — те же бабы, с одной разницей: себя не гнобят. И никак не поймут: как женщине может не нравиться, когда за неё всё решили?

Старшие братья и сёстры покидают родительский дом, заводят семьи. Стая ждёт того же от Белой Ночи.

Но общение с соплеменниками — это игра в царя горы: либо ты под горой и об тебя все вытирают ноги, топчут, давят, порабощают; либо ты на горе и давишь сам, показывая силу, чтобы как можно дольше наверху задержаться; но рано или поздно всех жестоко свергают.

Здесь нет золотой середины, дружбы или делового сотрудничества — ты или раб, или рабовладелец. Или ты их ешь, или они сожрут тебя.

Все и каждый без устали рыщут: под кого вырыть яму, кого сожрать, кого уничтожить. Ищут для этого поводы или оправдания, а если не найдут, то сами их придумают. Реальность псовых в прямой зависимости от их страхов и жела-

ний. Животные хотения и желания властвуют над ними, они не в силах им сопротивляться. Что выгодно — то добро, а что не выгодно — то зло. Честь и совесть им не выгодны, значит, подлежат гонению и истреблению.

Как животные они или в одиночку, но чаще группой выбирают цель для нападок — кто заведомо их слабее. Найдя цель, они словно просыпаются: глаза загораются коварством и бешенством; тела обретают круглосуточную бодрость; становятся такими одержимыми, словно счастья им не видать, если они не уничтожат цель — морально, социально, физически; можно подумать, вся их жизнь сходится именно на этом. Утолив свои животные потребности, счастья они, как и животные, конечно же, не обретают, а получают лишь временное удовлетворение от причинения другим зла. Уничтожив одну цель, они ищут новую. И так всю свою жизнь.

Но псовые не считают себя плохими — напротив, они твёрдо убеждены, что правы и поступают хорошо. Не учитывают только то, что правда у животных и у разумных совершенно противоположная. Они не созданы для мирной жизни. У них моральная аллергия на труд и созидание, с ярко выраженными симптомами: уныние, апатия, раздражение, агрессия.

Ещё не осознавая всего этого, Ночка пыталась вписаться в их так называемый «дружный» или «сплочённый» коллектив, хотела стать среди них своей: на оскорбление — оскорбляла; хотят побить — била в ответ; унижают сильные —

отыгрывается на слабых; и если псовые после такого поведения всегда испытывают удовольствие и поднимают себе цену, то её мучили угрызения совести. И чем больше она им соответствовала, тем больше ощущала, что погружается в грязную, бездонную, беспросветную яму. Пока её ровесники навсегда застревали во тьме, она росла над собой. «Это их реальность. Их правда. Не моя!» — наконец у неё сформировалось полное понимание обитателей стаи.

Постепенно она стала отдаляться от них: перестала находить общий язык со сверстниками и даже со своими сёстрами и братьями. Поняла, что найти контакт с такими очень легко, но отмыться потом абсолютно невозможно.

Теперь у неё даже мысли не возникало оседать в таких звериных условиях и, тем более, вязаться с одним из местных псов.

Белая Ночь научилась во многом помогать маме и по дому: подметала, таскала воду, ходила с матерью к реке стирать бельё; они вместе заготовляли жилы для ниток и верёвок, ветки для плетения корзин; готовить не любила, но помогала в подготовке еды — перебирала ягоды, чистила рыбу, фрукты, коренья. Мягкое Облако передавала свои знания и умения, которые вложил в неё отец. Ночке очень понравилось осваивать новые виды деятельности: вначале ничего не знаешь и не умеешь, а потом, постепенно, получается всё лучше и лучше, и в итоге можешь уже с лёгкостью что-то делать, со-

здавать, созидать. Это гораздо лучше, чем, как местные обитатели, всю свою жизнь посвящать выяснениям отношений. Псовые считают, что труд — это удел рабов или низших. Её новые умения лишь усугубили ситуацию: увеличилось число ухажёров, желающих заполучить в собственность такую работящую девку. То, что в её планы это не входило, их вообще не волновало. И все они получали от ворот поворот.

В этом царстве зависти и подлости Ночка и её мама часто находили минутки радости и счастья в делах и на отдыхе: на речке, при стирке белья, так развеселятся, что домой придут радостные и мокрые с головы до ног; потом на их излюбленном месте стирки обнаружат несколько куч дерьма… Тёплым ясным днём усядутся на самодельной лавочке во дворе, грызут орешки, радуются солнышку, не замечая, как тайком наблюдающие за ними соседи места себе не находят при виде такой идиллии; спустя время кто-то начнёт вываливать свой мусор у их дома… Прибираясь дома, Ночка что-то весёлое напевала себе под нос.

— Вылизываешь всё, чистюля?! Ну-ну, лижи-лижи, авось чище станет! — не выдержал один из маленьких клонов её отца, обратившись к ней завистливым злобным тоном, не обещающим ничего хорошего.

— А кто тебе мешает другим помогать и в общих делах принимать участие? Мы с мамой много раз звали вас на помощь! — устала она отбиваться от их грязных, ленивых наездов и одно и то же им повторять.

— Вот ещё! Быстрее ты сдохнешь, чем это будет! — родич, лопаясь от ненависти, выплеснул накопившееся зло на сестру и стал таким довольным, словно сделал что-то значимое.

— Какая же ты мерзкая тварь! — Проявляя незрелость своего разума, она велась на этот троллинг. И слово за словом начиналась драка, с дикими воплями, глубокими укусами до крови и вырыванием шерсти. Ругань и схватки шли по кругу: сёстры, братья, чужие подростки. Все псовые с самого рождения занимаются троллингом — это часть их самоопределения «над» или «под», в процессе которого они спорят, ругаются, дерутся и даже убивают друг друга. Каждый контакт с местными — показ силы. Истинные псовые круглосуточно проверяют всех на прочность. Они не понимали её: не хочешь «под» — лезь «над». Не хочешь «над» — будешь «под». Их примитивный разум работал только в двух режимах: либо давить, либо пресмыкаться.

Ночка с мамой в этом хаосе создавали вокруг себя островок уюта и безопасности. Но местные обитатели и даже их собственная родня, регулярно наблюдая эти тёплые душевные сцены и никогда не способные сами постичь любовь и счастье — даже по отношению к самим себе, только с завистью и злобой скрипели клыками. Чужое счастье и успех вызывают у них ощущение личного оскорбления.

Попытки заставить отца научить её охоте и рыбалке были безуспешными, в ответ только стена непонимания, постро-

енная на фундаменте из традиций. Он наотрез отказывался её обучать, повторяя одно и то же в разных вариациях: «Это мужское дело; это не женское дело; девочкам не положено этим заниматься…» и тому подобное.

Сам же глава семейства, в то же время, часто возвращался с рыбалки или с охоты с полупустыми руками, и они всей семьёй вынуждены были впроголодь ждать его милости — когда он снова соблаговолит отправиться добывать пищу. Вот и сейчас он пришёл грязный, усталый. Бросил жене жалкую горсть рыбёшек и, с обиженно-таинственной миной, сгрёб себе гору еды и утащил в свою ложу, чтобы там наесться до отвала и спать почти сутки. Мягкое Облако автоматически принялась чистить и готовить рыбу. Ночка бросилась помогать.

Когда такое происходило, а случалось это довольно-таки часто, Мягкое Облако собирала своих старших детей, к которым теперь присоединилась и Ночка, и они ранним утром отправлялись собирать фрукты, ягоды, орехи, травы, коренья в близлежащие леса. Местные, на удивление, обожают собирательство. Шумное семейство, как саранча, общипывает почти наголо растения, и все они возвращаются домой с полными корзинами. Обработкой собранного, конечно, занимаются только Облако и Ночка, так как у всех остальных сразу же появляются другие дела. За это рвение в помощи маме и делах по дому её невзлюбили сёстры и братья, не потому, что она делала что-то плохое, а потому, что они сами

не желали этого делать. Ночка всеядна, как и все, но постоянно питаться травой (так она называет пищу не животного происхождения) не любила:

— Трава немного утоляет чувство голода, но после неё сил нет никаких! — часто жаловалась она маме. Но та, наоборот, предпочитала растительную пищу животной и не была способна понять: как может кому-то не нравиться такая вкуснятина?

На этот раз, когда добытчик вернулся почти с пустыми руками, Ночка задумалась: «Кругом полно дичи, а мы постоянно недоедаем! Неужели настоящую еду так трудно добыть?!» И она решила следить за отцом каждый раз, когда он собирается на охоту или рыбалку, чтобы самой научиться этим видам деятельности. Дети здесь испокон веков на свободном выгуле. Облако волновалась за старшую теперь уже в доме дочь, но, наученная горьким опытом предыдущих взрослеющих детей, которые жестоко огрызались, если она им что-то запрещала или к чему-то принуждала, не стала вмешиваться. Сначала Ночке было очень страшно выходить из дома, когда на дворе ещё ночь. Но рыбачили и охотились далеко от поселения — вставать приходилось задолго до рассвета. А потом стало ещё страшнее ходить одной, особенно ночью. То, что она увидела, повергло её в шок и одновременно раскрыло глаза: оказывается, бояться надо не выдуманных хищников, сказками про которых пугают детей, а местных обитателей, объединившихся в небольшие группы, оказавшихся

без контроля общества, ощутивших абсолютную свободу — это как голодные бешеные собаки, спущенные с цепи. Беда тому, кто в одиночестве попадётся им на пути: им неважно — зверь ли это или соплеменник, или чужак; взрослый или ребёнок; они знают только то, что за ними никто не следит, и их никто не контролирует, поэтому можно наконец-то вести себя естественно — творить любое количество зла и не нести за это никакой ответственности. Однажды она увидела, как охотники загнали крупного животного — самку с детёнышами: их всех убили с садистской жестокостью и злорадным бешенством, но домой для своих семей взяли лишь крохотное количество мяса. В другой раз были рыбаки, которые вместо дела устроили пьянку и вообще с пустыми руками вернулись домой. Пьянки там бывают всегда и везде: сначала весело болтают и безудержно хохочут; потом начинают спорить; и завершается веселье руганью, мордобитием и даже убийством; хорошо, что шерсть на их мордах скрывает синяки, иначе жёны усомнились бы в добропорядочности своих супругов.

Ночка привыкла видеть отца в двух ролях: вечный нытик, ненавидящий мир, или хитрый подлый тиран. Здесь он проявил себя в иных ролях: уважаемый своими товарищами, он всегда первый не только в охоте и рыбалке, но и в пьяных, весёлых, развратных оргиях, где преображался в блистательного ловеласа, пользующегося активным спросом противоположного пола, — чудесным образом красивые девицы оказы-

вались в их пьяной компании и начинало такое твориться… О чём Ночка ни за что не расскажет маме, которая очень дорожит своей семьёй.

После этих подлых весельчаков в кучах мусора она собирала сломанные удочки, крючки, копья и прочее. Научилась делать сама — криво, но сгодится. Подсматривая процесс охоты и рыбалки, поняла, как ими пользоваться.

Тайно добыв новую и полезную информацию, Ночка прекратила слежку за привилегированным полом и больше по ночам не выходила из дома. Теперь, вставая рано утром, она отправлялась самостоятельно учиться охотиться и рыбачить. Сначала, как и в любом новом деле, всё казалось трудным и невыполнимым, но благоприятные условия способствовали ускоренному обучению — огромная, просто баснословная численность дичи. И вот уже она с азартом то за мелким зверьём и птицами гоняется, то больших рыбин выуживает. Больше всего ей понравилась рыбалка: там можно в тишине и спокойствии поразмышлять и помечтать о том, о сём, и сам процесс никогда не надоедает, а тонущий поплавок всегда вызывает всплеск адреналина, и вкусом нежной жирной рыбы никогда не могла насытиться.

Стол дома стал наполняться дичью и рыбой. Зато отцовский авторитет таял на глазах. Облако, видя назревающий конфликт, попыталась образумить странную дочь:

— Ночка, дорогая, ну зачем ты ходишь в лес одна, да ещё

зверей и птиц убиваешь? У нас есть папа — это его дело.

— Видела я их «добросовестную работу»! Разве плохо стало, когда все мы теперь сытые?!

— Но это хорошим не кончится, поверь мне! Ты отца позоришь, а он потом на нас же отыграется!

— Нас-то за что ругать?! За то, что мы жрать хотим? Пока они там развлекаются!

— Ну что ты такое опять говоришь!

— Видела! Своими глазами! Они изверги, упиваются чужой болью, сами живут всласть! А нам и днём, и ночью выходить из пещеры опасно из-за таких же, как они! Сгниём тут заживо взаперти — терпим, скулим, горбатимся!…

— Прекрати! Больше не хочу это слышать! — порой дочь выводила её из себя. «Да в кого она такая?! До неё ведь вон сколько лет ровненько жили, ни ветринки! Были трудности и беды — справлялись как-то. Но появилась она и всё с ног на голову перевернула! Я из-за неё перестала что-либо понимать!» — бурчала себе под нос Облако, прячась от непонятной дочери в привычную рутину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.